
О расследовании экономических преступлений в период пандемии коронавируса, уголовных делах медицинских работников и причинах, способствующих масштабным инцидентам с многочисленными жертвами, произошедших в Казани и Перми, «Континенту Сибирь» рассказал заместитель руководителя следственного управления СК России по Новосибирской области, полковник юстиции ВИТАЛИЙ БОРИСОВИЧ ЗАРИПОВ

Виталий Зарипов: «Люди не стали злее, но раньше преступники боялись смертной казни»

— Виталий Борисович, как бы вы охарактеризовали прошедший год с точки зрения количества и специфики экономических преступлений в Новосибирской области? По каким статьям стало больше заведенных уголовных дел, возможно, растет количество каких-то новых видов экономических преступлений, с учетом изменений в экономике в целом?

— Отмечу, что стало меньше выявляться преступлений экономической направленности,

связанных с уплатой налогов. На это повлияла ситуация с COVID-19, в результате которой не были проведены намеченные ранее проверки. Соответственно, у нас было падение возбужденных уголовных дел по преступлениям налоговой направленности. Если в 2019 году было возбуждено 76 уголовных дел, то в 2020 году лишь около 59.

— Это когда был мораторий на проверки?

— Да. Кроме того, были сложности со свидетельской базой, многие граждане были на самоизоляции, в связи с чем, они не могли явиться в следственный орган. Следователи тоже болели коронавирусом. Во втором отделе по расследованию особо важных дел в 2020 г. из 11 следователей COVID-19 переболело 8 сотрудников, причем порядка 4-х из них – в тяжелой форме. Очень тяжелый год был. Преступления, в том числе коррупционные, совершались вне зависимости от коронавируса. Обычно в год возбуждаем около 300 уголовных дел данной категории – взятки, злоупотребление должностными полномочиями и т.д. За первое полугодие прошлого года взятки было возбуждено всего 28. В этом полугодии уже 38.

Как ни странно, в этом полугодии у нас практически в два раза уменьшилось количество мошенничеств, совершенных должностными лицами. В то же время, если в прошлом году мы не фиксировали легализацию средств, добытых преступным путем, то в этом году выявлено уже четыре таких преступления, уголовные дела будут направлены в суд. Наблюдается низкая результативность по выявлению коммерческих подкупов в связи с тем, что мы – следственный орган и расследуем те материалы, которые нам направляют оперативные службы. В настоящее время уголовные дела по факту совершения преступлений, предусмотренных статьей 204 УК РФ (коммерческий подкуп), не возбуждались. Что касается статьи 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями), на мой взгляд, как юриста и следователя, в таких делах всегда есть корыстная и коррупционная составляющая. И когда мы направляем в суд уголовные дела данной категории преступлений по квалифицирующему признаку — иной личной заинтересованности, с моей точки зрения, это наша совместно с оперативными сотрудниками недоработка.

— Возвращаясь к теме налоговых преступлений, в 2020 году в интервью РИА «Новости» заместитель председателя СК РФ Елена Леоненко отмечала снижение их количества, при этом их сумма оставалась значительной – ежегодно из-за них бюджет страны теряет порядка 58 млрд рублей. Какие именно из налоговых преступлений совершают больше всего в Новосибирской области за последние два года, какова региональная специфика?

— За первое полугодие текущего года ущерб по налоговым преступлениям (по возбужденным делам) в регионе составил 1 млрд 205,5 млн. рублей. В прошлом году – всего 346,7 млн. рублей. То есть, вырос в разы. В процессе расследования уголовных дел возмещено денежных средств на сумму более миллиарда рублей, то есть 84%. На 8 млн. рублей был наложен арест на имущество. Одной из причин столь резкого роста причиненного ущерба является то, что в

Новосибирске с прошлого года стала действовать межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы по крупнейшим налогоплательщикам №3 по Новосибирской области. Большинство нефтегазодобывающих предприятий России отчитывается именно в этой инспекции. Если с налогового управления по Новосибирской области в следственное управление поступают материалы с суммами недоимки в 50-200 млн. рублей, то с вышеуказанной межрайонной инспекции с сотнями млн. рублей и выше. В качестве примера приведу одно дело. Следственными органами следственного управления 22 апреля было возбуждено уголовное дело в отношении генерального директора АО «Негуснефть», сумма ущерба по делу составила 469 млн. рублей — недоимка, пени и штрафы. В ходе расследования уголовного дела предприятие возместило ущерб на сумму 782 млн. рублей

Многие считают, что прокуратура, следственные органы и полиция материальных ценностей не производят и находятся на иждивении у налогоплательщиков. Годовой бюджет нашего следственного управления составляет около 540 млн. рублей. С учетом выше названных сумм ущерба от налоговых преступлений, возмещенных в ходе следствия, можно сделать вывод о том, что следователи получают именно заработанную плату за свой труд.

— Пандемия как-то повлияла на межведомственное взаимодействие СК РФ с судами, МВД, прокуратурой? На работу, экстрадицию преступников, их поиск в других регионах?

— У нас увеличились сроки расследования уголовных дел, причем существенно. Те дела, которые мы ранее расследовали за два месяца, стали расследовать за четыре. Несколько раз закрывались из-за пандемии изоляторы, и мы не могли проводить следственные действия с арестованными. Суды перевели свои заседания в онлайн режим, налоговые инспекции снизили количество проводимых проверок. Немалая часть фактов, на основе которых мы возбуждаем уголовные дела, появляется в ходе личного приема сотрудниками Следственного комитета. В период пандемии уменьшилось количество личных приемов граждан. В данный момент работаем в штатном режиме.

Но у нас есть одна категория дел, которая сегодня находится в приоритете Центрального аппарата – ятрогенные преступления, связанные с ошибками медицинских работников. Из-за пандемии и коронавируса число проверок и выявленных преступлений этой категории возросло. К примеру, скорая медицинская помощь несвоевременно приехала по вызову к больному, который в последующем скончался – сразу люди обращаются к нам. В структуре нашего следственного управления имеется первый отдел по расследованию особо важных дел, который занимается преступлениями против личности и общественной безопасности. В данном подразделении три следователя специализируются именно на ятрогенных преступлениях.

Это достаточно сложная категория дел: следователи не медики, и нам трудно оценить штатная или нештатная ситуация была, насколько верно действовал врач. Поэтому всегда опираемся на

результаты медицинских экспертиз. Они, как правило, с целью объективности, проводятся не в нашем регионе. Это характерно не только для Новосибирской области. В итоге экспертиза проводится в Москве или Санкт-Петербурге.

— Какие факторы, мешающие следствию, вы могли бы отметить?

— Каких-то объективных факторов, мешающих расследованию уголовных дел, естественно, нет. Толковый следователь никогда не скажет, что на расследование уголовного дела повлияла, скажем, пробка на Димитровском мосту. Никогда не скажет, что есть какая-то объективная причина, по которой он не может раскрыть уголовное дело или довести его до суда. Результат зависит от того, насколько сам следователь компетентен и нацелен на результат. Есть сторона обвинения и сторона защиты. В уголовных делах экономической, налоговой и коррупционной направленности фигурант по делу, как правило, имеет не одно высшее образование, а также квалифицированных юристов и адвокатов. Идет противодействие обвинения и защиты, и это чисто субъективный фактор.

— Как складывается ситуация с расследованием уголовных дел коррупционной направленности, какие бы условно «громкие» дела 2020 года этой категории вы могли бы отметить?

— Если говорить о лицах особого правового статуса, мы направили в суд уголовное дело, возбужденное в отношении депутата Законодательного собрания Алтайского края, который через подставную фирму похитил более 50 млн. рублей. В производстве у следователей сейчас есть достаточно интересные дела, связанные с коррупцией, возбужденные в отношении известных в Новосибирской области лиц. Оглашать фамилии пока не буду, расследование еще не завершено, но, думаю, в ближайшее время вы о них услышите.

Кроме того, есть уголовное дело о телефонном мошенничестве, над которым работает целая группа следователей, там 28 потерпевших. Причем в ходе расследования мы нашли одного потерпевшего, установили личности фигурантов по делу, изъяли у них телефоны и через них начали выяснять личности потерпевших по всей России.

В прошлом году следственными органами следственного управления было возбуждено уголовное дело, не так часто встречающееся в нашей практике, по факту незаконного вывода валюты за рубеж (ст. 193 УК РФ). Это было преступное сообщество, состоящее из нескольких групп - жителей Алтайского края, Кемеровской и Новосибирской областей. В этом году мы закончили расследование и направили дело в суд. Создавались аффилированные фирмы с номинальными руководителями, сами средства выводились через фиктивные договоры, в основном, в Китай. Всего 27 эпизодов. Было выведено более 3 млрд в рублевом эквиваленте. Работали в течение трех лет. На данный момент организатор этого преступного сообщества находится в международном розыске. На практике уголовные дела данной категории довольно редко возбуждаются и доводятся до судебного решения.

— Сложно ли собрать доказательную базу?

— Там очень завуалированная схема с подставными лицами, номинальными менеджерами и так далее. Расследование уголовного дела составляло особую сложность, дело составило более 400 томов. Вряд ли суд успеет его в этом году рассмотреть, в лучшем случае в следующем.

— Хотелось бы выяснить судьбу нескольких уголовных дел, возбужденных в отношении высокопоставленных лиц в Новосибирске в последние годы? К примеру, в 2019 году в Центральный районный суд было передано уголовное дело в отношении руководителя управления по земельным ресурсам мэрии Новосибирска Юрия Кузнецова, которому вменяли превышение должностных полномочий. Рассмотрение пока не завершено?

— Дело Кузнецова направили в суд, его судили, приговор был вынесен в конце марта, дали год условно, еще на два года запретили занимать руководящие должности. Хотя ущерб по его делу был причинен в размере более 50 млн. рублей.

— Еще одно уголовное дело, возбужденное в отношении главы управления по жилищным вопросам мэрии Новосибирска Дениса Ковалева и его предшественника Дмитрия Рыбалко, которые подозреваются в махинациях с долевым строительством в Новомарусино. Как идет расследование?

— Расследование уголовного дела завершено, сейчас идет ознакомление фигурантов с материалами дела. После этого оно будет направлено в суд. Сложно сказать, какое будет вынесено решение, но отмечу, что в последнее время появилась какая-то тенденция к гуманизации приговоров по экономическим преступлениям. Вместо реального лишения свободы назначается материальное наказание, штраф, запрет на занятие определенных должностей и т.д.

Что касается налоговых преступлений, я считаю, что наказание должно быть жестче. За все 11 лет моей работы было порядка 800, связанных с этой спецификой уголовных дел, и только один раз был вынесен приговор, связанный с реальным лишением свободы. И то, свободы тогда лишили на один год. К примеру, 10 лет назад за совершение преступления по ст. 290 УК РФ (взятка) было предусмотрено лишение свободы. В настоящее время составы и сроки становятся мягче, возрастают суммы недоимки, образующие состав преступления.

— Говоря об экономических преступлениях, сегодня правозащитники, к примеру, федеральный бизнес-омбудсмен Борис Титов, указывает на избыточное давление на коммерсантов со стороны как контролирующих, так и надзорных органов, силовых структур в целом, настаивая на необходимости либерализации подхода. Правда, применительно к Новосибирской области, он называет, прежде всего, проверки МЧС, но все же. Как вы считаете, насколько эта точка зрения

обоснована?

— Исходя из поступающих к нам заявлений и обращений, говорить о каком-то массовом давлении на бизнес со стороны силовых или надзорных структур нельзя. Более того, недавнее ЧП со взрывом на газозаправочной станции в Новосибирске показало, как раз отсутствие должного внимания со стороны контролирующих органов. Вот вам и давление на бизнес. Часто жалуются на судебных приставов, что те незаконно заводят исполнительные производства, а как начинаешь разбираться – обнаруживается вполне объективное решение суда.

— Отойдя от темы расследования и обратившись к теме самого следствия, могли бы вы рассказать, как пришли в силовые структуры?

— Я родился в Алтайском крае в небольшом поселке Тамбовский. Позднее мои родители переехали в Норильск, там я учился в школе, а после пробовал поступать в Алтайский государственный университет на юридический факультет. Еще в 8 классе захотел стать юристом, наверное, «Следствие ведут знатоки» посмотрелся. Год отработал на ТЭЦ, а после этого поступил уже в Томский государственный университет. Там мы учились в одной группе с моей будущей супругой. На четвертом курсе в 1988 году поженились, а через год у нас было распределение. Меня направили стажером-следователем в прокуратуру Мошковского района, а жену направили на работу в этот же район следователем в милицию. Там я отработал почти 7 лет, от стажера до старшего следователя. Тандем из двух следователей в семье, я вам скажу, это не простое дело. Доходило до того, что на места происшествия мы выезжали вместе, осматривали вещественные доказательства. Помогали, конечно, друг другу. Жили тогда в общежитии, позднее жене, хотя она была молодым специалистом, удалось перейти в адвокаты, где она до настоящего времени и трудится.

— Какие дела больше всего запомнились?

— В бытность моей работы следователем в производстве были уголовные дела различной категории, в основном против личности. Запомнились два уголовных дела по факту совершения умышленных убийств (ст. 102 УК РСФСР), которые я расследовал и в дальнейшем направил суд. Исходя из личностей подсудимых и характера совершенных ими преступлений оба фигуранта по делу были приговорены к высшей мере наказания. В советское время такие дела проходили через Верховный суд РСФСР и институт помилования. Если такой приговор вступал в законную силу и был приведен в исполнение, то для следователя это считалось высшей оценкой его работы. Первый приговор был за убийство двух человек, второй – за убийство беременной женщины.

Много еще других дел было. Большой интерес вызывали дела, которые не сразу раскрывались. Позднее мне предложили должность заместителя прокурора Новосибирского района. К тому времени мы с супругой уже переехали в Новосибирск, сыну исполнилось 6 лет. На этом посту

я отработал 9 лет, после чего 3 года занимал должность начальника отдела по надзору за следствием и дознанием в прокуратуре Новосибирской области. В 2006 году я получил классный чин — старший советник юстиции. В 2007 году был создан Следственный комитет при прокуратуре РФ, по приглашению Игоря Ивановича Телегина, который тогда возглавлял новосибирское управление, я перешел туда. Был руководителем Дзержинского межрайонного следственного отдела, в оперативное обслуживание которого входили три района Новосибирска - Дзержинский, Октябрьский и Калининский. С 2011 года я занимаю должность заместителя руководителя следственного управления СК России по Новосибирской области.

Мой сын тоже закончил юридический факультет в университете в Томске. Сейчас работает в прокуратуре.

— На ваш взгляд, что поменялось в людях и в совершаемых ими преступлениях сейчас в сравнении с советским периодом?

— Если говорить о бытовых преступлениях, то они, по большей части, зависят не от времени, а от психики человека. Единственное отличие настоящего периода от советского, как мне кажется, сейчас лицо, совершившее преступление, меньше боится наказания.

— Из-за отмены смертной казни?

— В какой-то степени да. Основываясь на своем опыте работы и общении с людьми, я считаю, что раньше преступники боялись смертной казни. Преступления, конечно, совершали, но высшая мера наказания их как-то сдерживала. Но это мое личное мнение, может быть я и ошибаюсь. Посмотрите, какие сейчас преступления по масштабам совершаются – Казань, Пермь... Это не полтора-два трупа, это десятки умышленно убитых людей.

— Преступника в итоге отправят в колонию строгого режима, это же тоже жизнью сложно назвать...

— Но, тем не менее, он будет жить. И второй аспект, хотя он может быть и неправильно истолкован, но возьмем тех же родственников, оставшихся без детей, отцов, матерей. Они сейчас, по сути, будут содержать этого гражданина.

— Как вы считаете, люди сейчас злее стали?

— Мы оцениваем злость по нашим уголовным делам. В быту человек может быть с виду нормальным. Что толкает его на преступление? Очевидно, набор факторов – жизненных, психологических. Нет, не могу сказать, что сейчас люди стали злее. Все зависит от конкретного человека и обстоятельств.

Что касается инцидентов в Перми и Казани, я не первый, наверное, кто об этом скажет, но

очень большое влияние на эту категорию преступлений оказывает интернет. У нас в производстве есть дела, связанные с преступлениями и суицидами несовершеннолетних. Это «дети информационного поля», они совершенно другие, у них иной менталитет. Общение со сверстниками и игры происходят через интернет. Человеческая психика, тем более несовершеннолетнего, меняется и надламывается. Нет желания реального общения, куда-то съездить и что-то посмотреть, книжку почитать. Подросток весь сам в себе.

— А у Следственного комитета сложностей в связи с этим в подборе кадров нет?

— Нет, проблем с этим нет. Уже второй год мы принимаем на службу выпускников следственных академий Москвы и Санкт-Петербурга. Молодые ребята, «заточенные» на следствие, приходят с желанием работать. На сегодняшний день у нас всего три или четыре вакансии, текучки кадров нет. Однако, скрывать не буду, иногда попадаются и случайные люди, хотя и проходят полиграф. Но большинство, повторяю, устраиваются в следственные органы с большим желанием работать.

— Вот ваш сын тоже пошел работать в силовые структуры. А насколько вообще сегодня развита преемственность среди силовиков?

— Если судить по нашим сотрудникам, то процентов 10 – дети следователей, прокуроров, сотрудников МВД, военнослужащих. Если судить по мне, то у меня отец – водитель, мать – бухгалтер. Когда наш сын закончил школу, и я, и супруга, были категорически против того, чтобы он шел в юриспруденцию, тем более, по нашим стопам. В нашей работе много трудностей, а все мы – родители – хотим своим детям более комфортной жизни. Тем более, он был больше склонен к техническим наукам, олимпиадник по математике и физике. Но он наперекор нам пошел на юридический факультет и после армии поступил на службу в органы прокуратуры.

Источник: <https://ksonline.ru/425566/vitalij-zaripov-lyudi-ne-stali-zlee-no-ranshe-prestupniki-boyalis-smertnoj-kazni/>

05 Октября 2021

Адрес страницы: <https://nsk.sledcom.ru/Professiya-sledovatel/item/1616575>

